

The background of the book cover is a photograph of a forest path. The path is covered in fallen leaves and leads into a misty, wooded area. The trees are mostly bare, suggesting autumn or winter. A large, semi-transparent blue rectangle is overlaid on the upper half of the image, containing the author's name and the title.

Сергей Новиков

Призрак Надежды

Часть I

16+

Сергей Новиков

Призрак Надежды. Часть I

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64039191

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-98344-1

Аннотация

В период постапокалипсиса Лазарь идёт по этому миру, который он устроил сам из-за несчастной любви, созерцает его, впечатляется и мыслит. Серафим и Дианон олицетворяют Добро и Зло во мраке постапокалипсиса, а Лазарь ищет Призрак Надежды.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Новиков

Призрак Надежды. Часть I

Вечность не ищет причин, она их создаёт.

Глава 1

Без памяти оглянулся в пути, и не понял, где я. Сапоги истёрлись, пыль под ногами посеребряная, мерцает. Дыма надо покурить, чиркаю зажигалкой дрожащими пальцами, влажные. И на пальцах пыль посеребряная. Гляну в путь, неизвестно куда, меряю шагами. Компас вращается безоглядки, не остановишь. Незачем беречься мне, секунды прошли. Жалости не осталось, ни горечи. Безмятежные мысли в голове, меряю путь. То ли бездна впереди, то ли рай. Невежество людское сожжено печалью, капли дёгтя оставили следы в сердцах и печаль в умах. Псы одичавшие бегают в полях, дико и голо. То настроение изменится, то руки дрожат. Слушаю музыку из века, и шагаю по пути. Книгу раскрою свою, листаю страницы, пыль между ними, где же те слова, которые высмеют идиотов? Мегалополисов больше нет, во мраке они. Бесы бродят по полям, угомонить их нельзя. Мальчик какой-то идёт. Не видел он их? Чаю бы выпить, да костра нет.

Бесы уже не страшны мне, страх потерял, не чувствую земли под ногами, отдалённо шуршит листва, виски стучат, пот на лбу. Алое солнце нагревает голову. Болота обойду, дальше по полям и через дебри.

Вчера встретил Елену. Долго смотрела она мне в глаза, или так показалось, так и не понял, какого они у неё цвета,

то ли чёрные, как пылающая смоль, то ли карие. Сказала, встретишь позже меня, для чего, так и не понял. Ведьма она что ли? Рассказала мне, что я встретил, да рукопись дала. Язык какой-то непонятный, сказала арамейский.

По лесу долго идти, собак нет, тихо. Елена что-то шепнула на ухо, да не понял что, спросить забыл, пошёл без памяти.

Обыденность дней расплавлена прошлым. Смех Времени ужасен. Испепелённые поколения поглощены Покоем. Руки Смерти тянутся к каждому. Наркотики притупляют разум бродяг. Сатана вышел из Обители и опустошил города, без жалости к тем, кто хотел жить.

Свежий воздух вдыхаю носом. Разум мой пытается осмыслить явь. И явь эта в моём черепе содержится, взятая из внешнего мира, осмысленная, до какой степени? Мой разум пытается понять, как и у многих, но не всех, без счёта степени глубины понимания. Лезу далеко я, да боязно. Алису это пугало и обескураживало.

Путников встретил: женщину с ребёнком. Какой путь они держат? В лице женщины страх просматривается и недоверие, обношенная одежда у неё. Сила правит остатками мира. Кто слаб, то недолго и сляжет. Бандиты воюют друг с дружкой, их стороной надо обходить. Датчик движения мой фиксирует живых. На руинах нашёл его у убитого бойца. От бойца кости одни остались, ветер пыль с них сдувал. Теперь кости не редкость, особенно на руинах. Кто на мотоцикле про-

едет, так редкость. Бандиты отбирают мотоциклы. Бьют по чём попадя мотоциклистов. В одного попали, горел на ходу. Прямо несущийся факел.

Помню встретил в одном городе проститутку. За водку себя продавала. Она и не знала, что в русском алфавите 33 буквы. Нечёсаная ходила, да у кого водка была пользовался ей. Сквернословие – сестра её, в чьей хижине она жила, не знаю. Такова её участь.

Дианон – лидер одной многочисленной банды собирал своих соплеменников с ораторскими речами установить правление своё по всему миру. Набирал в ряды свои бродяг и сумрачных. Сумрачным только указания дай, чуть ли не смертниками бывали, попали под воздействие психотронного оружия, вот и сумрачными стали. Правление Дианона расплодилось как паводок неумерный. Дианон женщин в наложницы брал себе, да распоряжался ими по своему усмотрению.

Ветер уши продувает, град на голову сыплется. Волки с собаками, как бандиты, территории делят. То там завоюет, то там затавкает. Челядь Дианона бывает встречается, за дровами ходят с потускневшими взорами. Чем теплится их разум? Первая любовница Дианона Аделаида любила ими командовать, оскорблять и унижать. За провинность раздевала до гола прилюдно, ставила на колени и плёткой муштровала.

Полёт мысли в веку решили превратить в синтез мозга. По внешнему виду людей от роботов отличить было сложно.

Армии андроидов хотели смешать с бойцами, да крови у них нет. Жидкость какую-то использовали маслянистую желтоватого цвета. Не успели масс андроидов наштамповать, хотя процесс уже шёл. Дело шло и в производстве женоподобных андроидов-бойцов, чтоб на психику давить. По инфракрасному спектрометру можно было вычислить анроида, спектр другой у них. Дианон узнал, что есть где-то склад, на котором большая партия андроидов женоподобных бойцов хранится. Бандиты его розыски вели, не нашли пока.

Сумрачные попали под деструктивное воздействие психотронных лучей. Мозг их оставался дегенеративно-статичным, отражаясь на всплески человеческой речи. Загадкой оставалось, как они распознавали андроидов без спектрометра. Куклой называли андроидов они при встрече. Дианон сумрачных использовал для проверки незнакомцев. «Кукол» программистам отводили на тестирование.

Падаль всякая по пути попадает, разлагается. Собаки скулят, бесами покусанные, кого не загрызли. Ночью тихо, лишь филин ухает изредка. Проститутки перегаром дышат в лицо тебе, в ободранных платьях. Челядь их насилует, зубы разбивают проституткам и губы в кровь. Дианону скандируют толпы. Золотые слитки хранятся у него в подвалах, титан покупает за них. Золото и титан теперь вместо денег.

Александр мечтал до 80 лет прожить, не знаю, где он теперь, в келье монашеской Богу молится, или пастырем стал в Ордене Херувимы? Вооружились они для борьбы с Диано-

ном и злом всяким. Лидер Херувимов Серафим носил титановую печать царя Соломона на безымянном пальце. Пастыри Херувимы на мотоциклах ездили в чёрных плащах из кожи. Пронеслись как-то мимо меня, ветром обдало. Не понял сразу кто это.

Смерть косит друзей и недругов. Под покровом ночи пастыри Херувимы нападали на лагеря Дианоновой братии. Снайперские винтовки с ночным прицелом использовали пастыри. Сжигали постоялища бандитов и уносились прочь, как призраки. С головой горящей один бандит выбежал, снайпер облегчил его участь. Труп лежал с дымящейся головой.

Туман, или смог, не разберу. Вроде как дымом пахнет и корой сосны. Деревня бандитов дотлевет. По углям бреду, нет никого, лишь трупы лежат. Девочка лет семи потерянная идёт, лицо в саже. Остатки бандитов сгнули, а ей куда деваться? Родителей что-то не видно её. Лишь испепелённая деревня, да девочка. Подошёл я к ней, крест на шее серебряный висит у неё, влажный. Снимает она его и мне протягивает.

– Возьми, Лазарь.

– Я крестов не ношу, – шепчу я, и слова свои слышу, как эхо. Много людей я видел с крестами, так и не понял, зачем они их носят, если в Бога не веруют.

Слышу плачь Сатаны со смехом смешанный, душу треплет, разбитые зеркала под ногами у меня, нет никого, я один

на пепелище, где-то угли потрескивают ещё, смрад. Капли пота со лба текут, падают на уголь раскалённый, шипят. Ворона уже кружат над пепелищем. Смотрю в звёзды вечные и свет их обретаю звёздный. Слова невысказанные не дают покоя, дыхание Алисы спрятано за пределами моего взора, разум переполняют чувства, не воспринятые тобой. Охватываемый бесконечностью времени, я жгу его, как восковую свечу, не утолив себя. Рамки мира я хочу разрушить, чтобы обрести чувства, уносящие меня безгранично, увидев Землю в её красоте. Слезы дождя по капле наполняют ладонь мою, гасят костёр, устроенный Херувимами. Не вернусь я сюда больше, не увижу скелетов, оставшихся от плоти земной. Лишь небеса будут омыwać их тела остывшие, которые примет земля. Секундами Вечности проносится жизнь человеческая, деяниями и помыслами существующая.

Александр в келье монашеской сидит, на свечу смотрит, трепещется её пламя. Понять пытается мироздание и себя в нём. Отче наш произносит, повторяет слова этой молитвы. Думает в полумраке обители своей: «Пастыри Божье дело делают, воля моя колеблется, как пламя свечи. Бремя несут они. Не уйти ли из монастыря и к ним присоединиться?» Сырость в углах затаилась с тенями играя. «Сумрачный к нам прибилсь, Виктор его имя, откуда взялся он, молчит много. Стрижётся наголо, просил в монахи принять, да разговаривать с ним сложно. Слов непотребных не говорит, с собой не было ничего, когда пришёл, лишь «Новый Завет» в руке

держал. Читает его каждый день на скамье сидит тихо. Один раз увидел слёзы из глаз его льются, «Новый Завет» держит, спросил я, да он слова вымолвить не может».

Серебряная цепь на шее моей без креста. Берёзы шорохом осенних листьев провожают. Звезда наша бесстрастно дарит тепло, согревая ропщущие души. Любви обитель – Земля, беззвучно несёт тебя, сохраняя тепло остатков мира. Галки кричат вдогонку. Пожухлая трава воскреснет через неизвестное количество шагов моих. Небо рисует картины из серых облаков, живущих динамической жизнью, перетекающей явлениями мира Земного, картинами искусных художников описанный. Алиса видится, тень её пальто и утончённые руки, лёгкие шаги, касающиеся земли. Смотрела на меня она тогда долгим взглядом, немного тревожным, да не держала она этих чувств в себе долго. Не знать мне её осознания, касания рук остыли на теле моём давно. Не спрашивая себя, зачем, я иду дорогой своей и остановиться не могу. Звезда моя, безудержно несёшь ты меня, временем опалая. Страх и Вера омахивают крыльями, напоминая о себе. Спокойствия не даёт сознание моё, дни идут небом осенним.

«Даша, жена моя, где ты теперь?», Виктор, склонив голову в темноте кельи монашеской, вспоминает её образ. «Не сумрачный я, как обо мне думают, горем убитый. Дней не считаю я уже».

– Суббота сегодня?

– Воскресенье, Виктор, – Даша улыбается.

«Улыбка твоя лучезарная, освещала сердце моё, а теперь мрак в нём наступил. Иисус за грехи наши распят был. Молитвами пытаюсь очистить сердце своё омрачённое, но не избавиться мне от мук душевных». Тишина помещения глубоко проникала в сознание его. Кровь качало сердце, насыщая разум его жизнью человеческой. Влажные ладони соприкасались друг с другом, которыми он чувствовал руки её.

– Иди обедать, Виктор, – Александр вошёл.

– Да.

Глава 2

Век

Я работаю в городской администрации компьютерщиком. Много женщин встречаю здесь. Дышат тепло над ухом. Девушка-андроид за ксероксом работает, подмигивает мне левым глазом. Не пойму, ей эти чувства что-ли дали? Соня её звали. Имя красивое, нравится мне, и голос приятный у Со-ни, редко такой встречаешь, разве что у какого-нибудь опе-ратора диспетчерской.

Как-то ухожу с работы, а она мне смотрит вслед влюблён-ным взглядом. Да не сказал я ей ничего, смущался, робот всё-таки.

– Алиса, – дышу в телефонную трубку.

– Да. Я сплю. Я не сплю ночью, я сплю днём, – кладёт трубку.

– Алиса.

– Зачем ты меня будишь? – слышу её слегка изменённый голос.

– Что с тобой?

– Я больна.

– Чем?

– Ничего особенного, простая простуда, – кладёт трубку.

Хожу по комнате. Я в Москве, приехал на один день, но не могу её видеть.

Поезд отходит от перрона, смотрю в окно, провожаю взглядом уходящую Москву, думаю об Алисе, разговариваю сам с собой о ней.

– Можно Алису?

– Это Ринат?

– Нет, это Лазарь.

– Её нет. И не звоните после одиннадцати вечера, это не принято.

– Можно Алису?

– Это Слава?

– Нет, это Лазарь.

– Её сейчас нет. Что ей передать?

– Скажите ей, что я звонил.

– Алиса.

– Да.

– Как дела?

Пауза.

– Нет, как дела? – спрашиваю второй раз.

– Нормально, – говорит низким голосом.

– Ладно, пока, – говорит она, – и не звони мне.

Хожу по комнате, думаю о ней. Мир серый, смотришь в окно, а там пасмурно. И людей нет, один я. Лишь телефон связывает с ней через долгие периоды времени.

– Алису можно?

– Её сейчас нет, – отвечает девушка, – что ей передать?

– Передайте ей мой номер телефона.

Два часа ночи. Телефонный звонок. Поднимаюсь с постели, беру трубку. Короткие гудки.

Осень, звонки от кого-то продолжаются, молчат или бросают трубку.

Прихожу на работу, Сони нет, а я хотел снова увидеть её волшебную улыбку.

– Соню отправили в ремонт, – сообщила мне секретарша.

– Как жаль.

Что с ней случилось? Интересовалась моими делами, спросила даже, нет ли у меня детей. Получив отрицательный ответ, снова улыбнулась, так, что я зачаровался.

На следующий день Соня работает за ксероксом.

– Привет, – слышу я изменившийся её голос, с каким-то жестоким оттенком.

Я сажусь за компьютер, раздумывая над переменной в её голосе.

– Мне нужен компьютер, – сообщает она командным то-

НОМ.

– Он занят.

– Кем? – вопрошает она.

– Мной, – я злюсь.

– Отпечатай мне эти документы, – она держит в руках бумаги и смотрит сурово.

Я не выдерживаю, встаю, швыряю ей эти бумаги в лицо и выхожу вон.

Сажу дома в тишине, смотрю на коричневую телефонную трубку, тоска меня снедает. Одна душа лишь есть у меня, которая меня поймёт.

– Алиса, Соня испортилась после ремонта.

– Какая Соня?

– Девушка-андроид, работает у нас за ксероксом.

– Тебе это важно?

– Не у всех людей есть такие чувства, какие были у неё. Как ты думаешь, насколько роботы могут быть человечными?

– Я не могу дать тебе ответ на этот вопрос.

Я молчу, хочу быть с Алисой, но понимаю, что не могу быть с ней.

– Я должна слушать твоё молчание? – она кладёт трубку.

Зима запорошила снегом землю. Мороз щиплет пешеходов за щёки. Думая о тебе, я греюсь в комнате. Ты столько

раз отказывала мне, но чувства одолевают меня, я беру телефонную трубку.

– Алиса вышла замуж, – сообщает её мама.

– За кого?

– Вам сказать имя?

– Да.

– Дианон.

И возненавидел я весь мир. Ночи проводил за компьютером, чтобы сгорел мир этот в Аду. Изучал всё сидел, вирус писал компьютерный, чтобы полетели все боеголовки мира и на Землю обрушились. В голове сцена стояла: тебя представлял с ним в постели. Зима сменилась весной, шло лето, я всё сидел и что-то пытался сделать. Усталость ломила меня, я смотрел на монитор с кодом, а видел тебя в объятиях Дианона.

Ночь лунная стояла, зябко, осень на дворе наступила. Нажатием последней клавиши, я дописываю код Сатаны. Так я его назвал. Занимал он 666 килобайта и должен был запустить 666 боеголовок планеты. Сомневался я и решил позвонить тебе напоследок.

– Алиса.

– Какие будут вопросы? – с обидой в голосе слышу тебя.

– Всего доброго, – бросила трубку.

Добра не жди, подумал я.

Enter

Первой рухнула Москва. Не видел я этого фейерверка, видимо зрелище было незабываемое. Потом пошло прахом всё остальное: Нью-Йорк – большое яблоко, Канберра – родина кенгуру, Лондон – твой любимый город, Париж – с красавицами парижанками, Майями – с идеальными фотомоделями, Мадрид – с постройками средневековья, Дели – с индийскими фильмами, Пекин – с дешёвыми товарами.

– Разве это главное? – спрашивала меня Алиса.

А главное растворилось вместе с разнесённым в прах мегаполисом. Не хожу я по тем развалинам, может и тебя убило? Людское мнение тебя заботило, жизни тебе не хватало. Вот она жизнь – сумрачный мир Земной, поглощённый Тьмой.

Перед пропастью я стою, ни конца ни края ей нет, гляну в неё, крыло Надежды мелькает призрачно. Да не дотянутся до неё. Слово одно довлеет, по которому оглянуться хочется, да мешает мне оно. Вперёд надо идти, а мне это слово в голову идёт, остановить меня хочет. Только пути нет, пропасть передо мной, да и мост мне не нужен. И как идти дальше не знаю. Да и путей других не видно, то ли пеплом их занесло? Звёзды тухнут уже, которые свет мне давали. И тишина наступила, слова вымолвить не даёт, дыхание спирает.

Так побывала ты в Зазеркалье? Я только в кроличью нору

залез, чудеса разные видел в Стране Чудес. И сейчас заносит меня в Страну Чудес, тебя в ней найти пытаюсь, а ты в Зазеркалье меня ищешь. В зеркала смотришь, себя видишь и моё отражение тоже, только рядом с тобой я не стою, Зазеркалье это.

Дианону ты отдалась, а меня в голове держала. Имел он тебя, как наложницу свою.

Глава 3

Наше время

Одиннадцать раз Земля вокруг Солнца обернулась с того времени, как увидел тебя первый раз и девять, как я написал код Сатаны. Не знаю ничего о тебе, лишь иду по дорогам пустынным. Так и не понял я, что правильно, что нет. Может я и не прав был, что мир угрохал.

– Назад не вернёшь.

– Да, – сказала ты мне тогда.

Да, не вернёшь тот мир благополучный, который был до кода Сатаны, мною написанный. Не родился бы я, мир процветал бы этот, хорошо всё было бы. А я его угрохал, а сам жив остался. А пусть теперь так, оазис Ада на Земле наступил. Мама меня родила, надеялась, что благополучно всё будет у меня, жизнь мне дала. Как-то правильно у всех всё, в 23 года женятся, детей рожают вовремя, жизни радуются, да теперь печалится будут. Не зря я его развалил, мир этот, пусть плачут сидят теперь люди на руинах городов. А я лишь путь видеть буду, Звезда меня ведёт моя. Пусть Херувимы с Дианоном сражаются, решают правоту свою на обломках мира. Как ни старался я суетность разрушить, да люди теми же остались.

Вспомнил я, что мне Елена шепнула на прощанье:

– Прочти рукопись эту и поймёшь, куда идти тебе.

Вспомнил и озадаченный стою, рукопись древняя на арамейском языке написана. Алфавита даже этого не знаю. Ветер осенние листья перебирал, свежий воздух приятно холодил лицо. Серафим, к нему идти надо. Да сначала в город зайти надо, провизии купить, невдалеке он.

Фасонная юбка на Элизе, я за титан её покупаю, один кусок за час. Волшебные руки у неё и нежная шея. Где она такую юбку взяла, не знаю, нравится мне. Синие туфли на не высоком каблуке, шагает игриво. И аромат какой-то необычный, с запахом тропического дерева. Давно на постели не лежал, в окно смотрю, небо синее, вспоминаю руки твои загадочные на шее моей. Танцуем мы с тобой в пабе в Лондоне.

– Не в этом дело, – говоришь ты мне.

– Дело в тебе, – я держу тебя за талию, мы танцуем в полумраке.

Мы сидим за столом, пьём виски.

– Алиса, ты замужем? – спрашиваю я.

– Да, вот кольцо, – ты показываешь мне золотое кольцо на пальце, сжав ладонь в кулак.

Паб закрывается, скоро утро, посетителей нет, мы сидим за столом, собираясь уйти.

– Надеюсь, что вы уходите, – говорит барменша.

– А чего это вы нас так выпроваживаете? – улыбаешься ты дельфиньей улыбкой. Так и помню её, улыбку твою.

Темза, восходящее солнце. Биг Бен показывает 7 утра.

– Жаль, что я здесь не живу, – оглядываешься ты по сторонам.

– Как мне тебя найти?

Ты пишешь всё, что мне нужно на кусочке бумаги. Я смотрю на твой мелкий почерк и кладу записку в карман.

– Что грустишь, Виктор? – спрашивает Александр.

– Жена у меня есть, Даша. Не знаю, где она сейчас. Развела нас судьба. Расстались во время, когда города рушились. Фото вот её. Не сумрачный я, молчал просто.

– Не знаю, как тебе сказать... – Александр смотрит на фото.

– Что, ты что то знаешь? – Виктор поднимает взгляд.

– У Дианона она. Брат я ему двоюродный. Ходил как-то к нему, образумить пытался.

Похолодело сердце Виктора, «Новый Завет» из рук выронил.

– Наложница?

– Да.

– Я пойду туда.

– Не сделаешь ты ничего, Виктор, Дианон с Сатаной договор заключил.

Виктор поджал губы.

Осень холодила. Я провёл ночь с Элизой, заплатил ей пять

кусков титана. Я смотрел на голубовато-серое небо в окне пасмурным утром, размышляя о мире настоящего времени и мире века. Слово «зачем», иногда приходящее мне в голову, заставляло думать. Я думал, зачем я устроил апокалипсис, я думал, зачем существовал мир века, где люди радовались жизни, создавали семьи. Видимо так должно быть, и кто же я, который устроил этот развал мира, крах и выживание?

Стакан воды стоил 6 граммов титана, пачка Marlboro – 10 граммов. Золото стоило дороже, но оно было реже. В баре обслуживала девушка-андроид, обычно это редкость. Она улыбалась белоснежными зубами заманчивой улыбкой розовых губ. С ней нельзя было вести беседу, как с человеком, она сообщала некоторые фразы о том, что мир прекрасен, будьте счастливы и наслаждайтесь. Видимо это была ранняя модель Сильвия-5.

Я заказал чашку чая и присел за стол у окна. По ту сторону ворона недоверчиво косила взгляд. В баре стоял запах алкоголя и сигаретного дыма. Напротив сидел сумрачный, пил молочный коктейль, у сумрачных тяга к молочным продуктам. Утро пробуждало людей, сонные лица проходили за окном. Чья это была территория, мне было не известно, но не Дианона. Девушка-андроид включила музыку из кинофильма Титаник, которая была неуместна насущному моему настроению. Я допил чай и вышел в город, население которого составляло тысяч 15.

Я не знал Серафима в лицо, и как его найти не имел поня-

тия. А он в это время мчался на мотоцикле Судзуки по направлению в город, в котором находился и я. Когда он промчался мимо, я подумал, что это один из Херувимов, и пошёл дальше. Я подумал, что Александр должен знать, где обитает Серафим, ещё я хотел увидеть Александра, последний раз я его видел в веку. Херувимы с незнакомцами в общение не вступали. У них было одно на уме – победить Дианонона. А Серафим ехал к незнакомому диакону, в надежде узнать о рукописи-предсказании, он знал, что эта рукопись спасёт ещё существующий сумрачный мир, который стал таким из-за меня. Элиза проходила в это время мимо дома диакона и увидела Серафима, он сделал суровый вид, а она улыбнулась. Когда-то в веку, до того как Серафим стал пастырем, она была его подругой некоторое время, пока не наступил крах мира, тогда же наступил и крах их отношениям. Элиза стала торговать своим телом, а Серафим бороться с Дианоном, такова судьба.

Я посмотрел на часы, которые показывали 9 часов 9 минут, такие совпадения у меня не редкость, Александр в это время загасил свечу. Серафим вышел от диакона неудовлетворённый, тот ему сообщил, что о рукописи ничего не слышал. Виктор открыл «Новый Завет» на 31-й странице, пытаясь читать. Элиза купила новый сиреневый лифчик у заезжего торговца за 20 граммов титана. Дарья мыла пол, вытирая его от глины, оставленной Дианоном, который в это время спал в постели с Аделаидой. Ничего не зная об Али-

се, я вспомнил Елену, мне подумалось, что она должна была знать о ней, но спросить я не догадался, а когда я ещё встречу Елену, я не знал.

Я вставил наушники в уши и пошёл по должному пути, ведущему в монастырь, где обитал Александр. Бесы пока не встречались, собак пугал выстрелом револьвера, у бизнесменов были девушки-андроиды, которых использовали как обслуживающий персонал или ради развлечения. Говорили на руинах Москвы много бесов водилось. Один из бывших военначальников открыл склад с ротой боевых девушек-андроидов в подмосковье и устроил бойню с бесами. Чем всё закончилось никто не знал, военначальник исчез, а бесов в Москве меньше не стало.

Время нельзя ускорить, время нельзя замедлить, нельзя вернуться в прошлое и отправиться в будущее. Время – есть настоящее. Шагая по пути, я шагал секундами времени, наблюдая разрушенные города. Никто не знал, кто я, человек, разрушивший благополучный мир. Я проходил мимо людей, и им было неизвестно, что виновник сей жизни я – Лазарь, погубивший мир из-за несчастной любви. Чувства людей столь обширны, что, созерцая мир, мы наделяем его человеческими отражениями чувств, потому что это наш мир. Прошлое – это прошлое, нужно оно нам или нет. Я не могу его забыть, выбросить, я его оставляю, продолжая жить. Я иду, не чувствуя своей вины, так, как-будто это произошло без моей воли. Моя воля, стечение обстоятельств, сила и не понятное

мною, всё это виновник существующего мира.

Дианон черепа убитых Херувимов ставил на колы вдоль дороги, ведущей из его города, кровью их поливал землю и ступал по ней. Серафим молился Богу и проклинал Сатану. Во всём зле он винил его, а Дианона считал его приспешником. Ладан курился в келье для молитв у Серафима, у Дианона горели факела в зале для собраний и висели шкуры убитых медведей. Дианон также проводил Сатанинские обряды, сжигал лебединые перья и посыпал ими свои сапоги, потом шёл по тлеющим углям, по бокам стояли на коленях голые рабы, поющие: «Да возвысься, Сатана». Таким образом он брал у Сатаны силу из Ада.

Дианон любил Аделаиду и своих наложниц, я не мог спросить его, куда ушла Алиса, и нужно было ли это? Спокойствие пришло ко мне, я надеялся, что у Алисы было всё благополучно в то время, как я шёл по пустынной дороге в степи, пахнувшей осенней травой и пылью, приносимой ветром. Алиса не красила губы и ресницы, она любила говорить, пить виски, курить Marlboro, и одевала золотые цепочки на обе руки. Её всегда окружали парни в то время, как я оставался один. Теперь же наступило время выживания, но куда может уйти либидо, лишь с последним человеком, живущим на планете. Дианон не считал сколько у него было наложниц, но их было около сорока. Все они жили в разных домах по несколько девушек, только Дарья жила одна. Они были или бывшие жёны убитых мужей, или девушки, на которых Ди-

анон глаз положил. Наложницы носили браслеты на руке с датчиками, чтобы нельзя было убежать, но и бежать им было некуда.

Был случай с Дианоном, в одной деревне, которую отбили у соседних бандитов, шла девушка очень красивая.

– Как твоё имя? – спросил её Дианон.

– Софья, – ответил нежный голос.

– Будешь моей наложницей, – сказал он ей.

Она лишь улыбнулась.

– Уведите, – приказал он помощникам.

На Софью одели браслет и повели её к машине. Она шла плавной походкой с некоторой грацией. Сумрачный шёл мимо с потускневшим взором наклонив голову, увидев ноги этой девушки, он поднял взгляд:

– Кукла, – произнёс он негромким голосом.

Но Дианон был рядом и это услышал.

Ах ты тварь! – в ярости он выхватил пистолет и стрельнул ей в затылок.

Андроид задымился и упал ничком в землю. Искры синего цвета разлетались из головы Софьи.

Глава 4

Время безупречно шло вперёд, покрывая пылью разрушенные города. Вместе с временем шёл я, созерцая просторы мира. Недостаток продовольствия и всего необходимого, очаги в домах, как во время средневековья, изношенная одежда, бродяги, сомнительные личности, встречающиеся в пути, я это созерцал, это существующее время, которое я устроил сам.

Виктор сидел сложа ладони и молился мысленно. Пламя свечи озаряло его лицо в сумрачном помещении. Вера в Бога сохраняла его жизнь, которая была у всех людей, выживших в настоящем времени, поддерживающих свою жизнь, которая таковой называлась в этом мире, покрытом пеплом и усыпанном костями бывших живых людей на планете Земля. Её вращение не остановилось, и солнце продолжало гореть как прежде. Как и в веке, я созерцал восходы и закаты солнца, очаровываясь красотой, и в тоже время осознавая горечь произошедшего для людей. Чувствовал ли я печаль? Моя печаль была сожжена 666-ю боеголовками, которые я запустил нажатием одной клавиши. Какое удовольствие от жизни можно получить в настоящее время? Меня принимали за бродягу путники и городские жители, а я искал Призрак Надежды. За её сенью пряталось то, что обретали счастли-

ливые люди в мирное время века.

Даша встречала рассвет глядя в окно. Осеннее дерево стояло невдалеке, просыпались бандиты и город, в котором она жила. Десять лет назад такой же рассвет радовал её, а теперь он пробуждал грусть и меланхолию. И города стали уже более запущенными, в которых ещё жили люди. Но люди продолжали жить. Вопреки сатанинскому замыслу, человеческое не было изжито. Да, это был мир беззакония и выживания, силы и насилия. Человечество упало в развитии, которое было похоже на времена средневековья с использованием современных предметов, которые были созданы в веке, и которые изготавливались и сейчас кое-где, где существовали очаги цивилизации. Но никто не отменил человеческих чувств, дружбы, любви, общения, стремления к лучшему, благополучному.

Я проходил один заброшенный город и увидел череп, который окаймляла цепочка с жетоном. В черепе была дыра, кому-то отстрелили голову. Брошенные поржавевшие автомобили, полуразрушенные здания и ветер, одиноко гулявший среди пустынных улиц. Когда-то здесь была жизнь, женщины заходили в этот магазин одежды, вывеска которого покосилась и витрина была разбита, пыль и полумрак теперь обитали в нём. В таких местах можно было сейчас встретить кого угодно, но женщин маловероятно. Я почувствовал пустынное одиночество с наветом тоски, приходящей от созерцания заброшенного города без людей. Цивилизация отсут-

ствовала в этом, покинутом людьми, месте. От неё осталось память означаемая постройками века некогда процветающего города. Я включил Моцарта, который зазвучал в моих наушниках и пошёл вперёд.

Александр подошёл к Виктору:

– Помолимся вместе.

Они сели за столом в полумраке кельи и начали молиться.

Когда они закончили, Виктор сказал:

– Завтра с утра я отправляюсь в путь.

– Я это предполагал, и это твоя воля, Виктор. Но лучше бы ты пошёл к Серафиму, присоединился к пастырям.

– Нет, я пойду один.

– Ты идёшь на погибель.

– Да, я знаю, но другого выбора нет.

Александр задумчиво подпёр подбородок руками. Виктор встал из-за стола и вышел из кельи. Александр подошёл к иконе, перекрестился и вышел следом.

Я же прошёл треть пути до монастыря. Сейчас каждый жил чем мог, и я не спрашивал об этом случайных людей, вступавших со мной в редкий разговор время от времени. Виктор плохо спал эту ночь, а я спал в спальном мешке в покинутом людьми городе. Мрачно это было осознавать, что, возможно, ты один во всём городе, в котором раньше жило 400 тысяч человек. Я прислушивался к ночным звукам непонятного происхождения, глядя в темноту, но я уснул. На

утро я развёл костёр, вскипятил чай и отправился дальше. Я созерцал эту явь – утро пустынного города. Вот, это великолепие, которое я устроил по причине, которая уже была затёрта прошлым, причина забывшаяся с течением времени. Но я надеялся, что человечество возродится во времена, которые наступят после меня. Когда-то здесь отмечали день города, и фейерверки искрились в небе, люди поднимали головы и радовались жизни. Теперь же пустынные окна смотрели на тебя безмолвно и грустно. Моя информация – это был окружающий мир, интернет был убит, книги можно было поискать в заброшенном городе в бывшем книжном магазине, в который я зашел, проходя по центру города. Некоторые полки были опрокинуты, на других книги стояли как и прежде, с наветом времени и безлюдности. Я выбрал одну из них, много я унести не мог. В остальном, я созерцал людей в небольших обитаемых городках и сёлах. Телевидение тоже было убито. В одном баре я наблюдал телевизор, по которому крутили клипы века, это мне напомнило прежние времена, я смотрел на Майкла Джексона и думал, что он не дожил до этого времени, в котором нельзя спеть всему миру, который тебя будет слушать и восторгаться.

Александр сидел в тишине помещения, размышляя о настоящем, Викторе, которого он проводил утром, Серафиме. Он не видел Серафима с века, и думал, какой он сейчас? Александр не предполагал, что к нему путешествую я, он размышлял о пастырях и его чувства склонялись к их де-

янию. Благопристойство монашества умиротворяло, но зло обитало в настоящем мире. И это зло олицетворял его двоюродный брат – Дианон. Слова Александра не дошли до Дианона. Противоречивые чувства одолевали Александра, в детстве он дружил с Дианоном, их отцы были братьями, а теперь, он, Александр обращён к Богу, а Дианон к Сатане. Мы предстанем перед Богом по окончании жизни, а что будет с Дианоном? Как он ответит за свою жизнь? Эта было вечное противостояние Бога и Сатаны.

Чувство бессмысленности иногда навевало на меня, это было мне не впервые, тогда я включал громче музыку и шёл дальше, глядя вперёд перед собой. В такие минуты мне становился безразличным исход борьбы добра и зла. Потом оно несколько уходило, я смотрел в небо, очаровываясь ему. Где-то была Алиса, она могла также смотреть на осеннее небо. Я вспомнил время перед запуском ракет: всё было тихо и спокойно, никто не ждал апокалипсиса. Я мог бродить по мирным улицам. Потом началась суматоха, а дальше выживание. Я уже перестал бредить тобой, я продолжал жить. Жить в пути. Мне нечем было почистить зубы, а стоматолога я давно не видел. Поэтому я решил поискать заброшенный магазин, чтобы найти зубную пасту, и я её нашёл. Досталась она мне бесплатно, хотя ценник указывал, что она стоит 89 рублей 90 копеек. На ней было написано что она отбеливает зубы, но я знал, что в лучшем случае она просто почистит их.

Страх осенял, напоминая о себе безмолвием зданий и

улиц. Хотелось скорее уйти, но улицы без людей всё тянулись, ты был один, вверху голубовато-серое небо. Тишина говорила, что это последствие апокалипсиса. И ты знал это. Чувствуя безлюдность, ты мог думать, что ты единственный человек, оставшийся от цивилизации. Ты не хотел оборачиваться назад, чтоб не попасть в уныние, подозрительные звуки настораживали. Код Сатаны был написан мной, и Сатана возымел власть, а я стал путником в этом мире, наблюдая его картины, явившиеся вследствие комбинации нолей и единиц. Комбинации нолей и единиц составляют код Сатаны, как и всё существующее в цифровом мире. Я не мог к тебе прикоснуться, почувствовать твоё дыхание, я помнил прошлое, в котором мы были когда-то вместе. Уже прошло достаточно времени и ты была где-то далеко. За это время я встречал разных женщин и девушек, угрюмо одетых или более-менее сносно, но я почти не вступал с ними в отношения, и они проходили мимо, оставляя лёгкие воспоминания, мало что значащие. Некоторые девушки, встречающиеся в пути, настороженно поглядывали, боясь изнасилования, но они были редкостью в дороге. Я знал, что в ближайшем будущем мир будет таким, каков он есть сейчас, он не изменится в настоящее время, пройдёт ещё много времени, что бы цивилизация восстановилась и воспряла. Время было подобно древнему, и современным, такого оборота не знало человечество, это была новая эпоха упадка, выживания, с надеждой на становление. Да, так должно быть, только это наступит не

скоро. Выжившие вспоминали благополучную жизнь века, но люди продолжали жить и рожать детей, это был естественный процесс во все времена, не исключая и настоящего.

Изредка я находил кофе, такое благо, как кофе со сливками, я мог позволить себе в мирное время века, а теперь чаще обходился чаем. Иногда не было сахара, тогда я пил чай без сахара. В пути я вёл дневник. Я брал ручку, подкладывал книгу под тетрадь и писал. Я писал свои размышления о существующем мире, я думал, прочтёт ли кто-либо этот дневник после меня? Что будет после меня, и кто будет читать мой дневник? Мои записи не были частыми, я мог месяц не писать. Сидя в каком-нибудь баре в дождь, я писал дневник, глядя в окно и осматривая посетителей, которые, вероятно, считали, что какой-то чужак что-то пишет. А дождь навевал настроение, я слышал его шум, размышляя о смене поколений и существующем мире выживших. Тем, кому было 16 лет до краха, уже 25, они рождали новых людей в этих условиях, а дети, родившиеся незадолго до этого, стали подростками. Они воспринимали мир таковым, каков он был сейчас, мирное время осталось у них смутным воспоминанием, их мир был существующим теперь. Это была их реальность. Они знали, что до них была другая жизнь, но они не понимали, насколько другая.

Глава 5

«Вера без дел мертва», – вспомнил Александр слова Писания. «Я отправлюсь к Серафиму и присоединюсь к Херувимам». С печалью он осознавал, что ему придётся сражаться против Дианона, своего брата. Покидая монастырь, он обернулся, перекрестился и пошёл прочь. Осенний путь приветствовал его. Он был безоружен, путь далёк, и неизвестное ждало впереди его. Никогда не знавший чувства любви, он смиренно шёл по дороге. Его облачение выдавало странствующего монаха. Не одержимый страстями, он шёл спокойно, предчувствуя встречу с Серафимом. В монастыре ничто не искушало его, а теперь он вышел в мир, в прискорбии своём ставший упадническим. Ушедший из мира 15 лет назад в монастырь, Александр вновь видел его, но мир был уже не таким как прежде, он это знал. Много времени он проводил в уединении в кельи, а теперь простор был вокруг, он предчувствовал встретить людей в каком-нибудь поселении, и он ожидал, что он увидит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.